

Содержание

Необходимые пояснения..... 9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В закоулках Большого Стиля

РОССИЯ — РОДИНА СЛОНОВ	17
МАЛЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА	23
ПОДЪЕМ ПЕРЕВОРОТОМ	30
ПРУЖИНА	34
РУМЫНИЯ НИ ПРИ ЧЕМ	45
ПИЖАМА, ПЛАТЬЕ, НАРЯД, ТУАЛЕТ	55
ТРЕНИКИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ	64
ГАРАЖ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ.....	69
РУЧКА-КАРАНДАШ СКЛАДНАЯ.....	75
ДЕТАЛЬ ИНТЕРЬЕРА	84

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ.....	93
КОГДА КАЧАЮТСЯ ФОНАРИКИ НОЧНЫЕ	102
“КРОКОДИЛ” И “ДРУЖБА”	105
ПРИРУЧЕННОЕ ВРЕМЯ	114
РУЧНАЯ И НОЖНАЯ ВЕЧНОСТЬ.....	121
ТИХИЕ ИГРЫ	125
КОМОД АТЛАНТИДЫ	130
СЛУЧАЙ С ПУГОВИЦЕЙ (ИНТЕРМЕДИЯ)	137
КОМОД АТЛАНТИДЫ II	140
КОМОД АТЛАНТИДЫ III.....	147
КТО УБИЛ ЛОШАДЬ.....	152
НЕЗАБЫВАЕМАЯ КРАСОТА ВРЕДНОЙ ПРИВЫЧКИ	158
ЗАХОДИТЕ, РАЗДЕВАЙТЕСЬ	162
ОЧКИ В МОЮ ПОЛЬЗУ	168
АБОНЕНТ ВРЕМЕННО ДОСТУПЕН	176
ГОРЕЛО ВСЁ СИНИМ ОГНЕМ.....	183
И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ	189
“ОБЩЕПИТ” И ЧЕРЕПКИ ЖИЗНИ.....	193
КУДА БЕЗ ШАПКИ ПОШЕЛ?!	196
НА ПОЛОЧКЕ ЛЕЖАЛ.....	207
ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ СЪЕМКА.....	211
НА ДОБРУЮ ДОЛГУЮ ПАМЯТЬ	214

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подрывные вещи

РУССКИЙ ГОЛЬФ	221
ЛЮБОВЬ И ПРИНЦИПЫ	227
КАК ПОГИБЛА ТЕЛОГРЕЙКА	236
КОМОК	242
ЗАПРАВКА ШАРИКОВЫХ РУЧЕК	250
ПОМОЙКА КАК ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ	259
ПОМОЙКА КАК ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО	264
“САМОСТРОК ПОД ЛЭЙБОЛАМИ”	273
ТРУБКИ И ДРУГИЕ ПОТЕРИ	287
LADIES, КАК ГОВОРИТСЯ, FIRST	291
KLM, ПÓРТФЕЛЬ И ТОРБА	296
ИЗДЕЛИЕ № 2	300
МОГУЩЕСТВЕННАЯ БУМАГА	306
НАРУЧНИКИ СВОБОДЫ	309
ВЕСЕЛЫЙ ЗАКАТ СУРОВОЙ ИМПЕРИИ	313
ВЕЛИКИЕ АНТИСОВЕТСКИЕ ШТАНЫ	315
КОМСОМОЛЬСКИЙ ОСТРОВ	324
ШАПОЧНЫЙ РАЗБОР	331
И ДРУГИЕ МЕЛКИЕ ВЕЩИ	337
ТАЙНА САПОГ	344

У ВСЕХ СТЕРЕО, А У НЕГО — МОНО	348
ОБОШЛОСЬ (НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПОД НАСТРОЕНИЕ)	353
ЛЮДИ В ШКУРАХ	355
ЛЮДИ В ШКУРАХ, ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	361
КОНЕЦ ИСТОРИИ, КАК И БЫЛО СКАЗАНО	364
ЗДРАВСТВУЙ, ОРУЖИЕ	369
...МЫ ПОШЛИ СОБСТВЕННЫМ ШЕЛКОВЫМ ПУТЕМ	376
ГРЕМЕЛА ЛАМБАДА	379
<i>Простите, если что не так . . . . .</i>	<i>381</i>

Необходимые пояснения

Мемуары — жанр, по моему мнению, для автора малопривлекательный и, наверное, по этой причине любимый читателями. За всякий успех у потребителя производитель продукта должен платить, и чем безусловней успех, тем больше плата. Вспоминая свою жизнь, пишущий подсознательно прощается с нею: ведь вспоминать можно только то, что уже случилось, безвозвратно произошло. Писание мемуаров есть завершение пожизненно совершаемого сочинительского труда, после мемуаров начать роман или даже рассказ было бы нечестно — такое действие стало бы обманом аудитории. Только, значит, вы дочитали полную и завершённую жизнь, удовлетворились тем, что про автора теперь известно все и окончательно, как он вылез с непредусмотренным продолжением. Такая жизнь после жизни вызывает законное раздражение. Том воспоминаний должен завершать полное собрание сочинений, именно

полное — все предшествовавшие были просто собраниями. После любого из них можно начинать хоть новеллу, хоть сагу, хоть эпопею, можно и даже нужно, чтобы следующий трех- или пятитомник был по-честному дополнен новинкой... А после мемуаров в сущности возможен единственный жанр, но в нем, как правило, выступают уже коллеги и друзья героя.

Это — с точки зрения сочинителя. С точки зрения персонажей дело обстоит еще сомнительней. Доживший до соответствующего возраста мемуарист, особенно если по роду своих занятий он встречался на протяжении биографии и карьеры с известными людьми, не может избежать в своих воспоминаниях нелицеприятных описаний, даже разоблачений, раскрытия секретов, прямых оценок и резких суждений. Собственно, ради всего этого мемуары читаются, да и пишутся тоже, если говорить откровенно. В пример можно привести десятки сочинений, в том числе очень талантливых и успешных. Хорошо еще, если пишущий награжден — или наказан — долгожитием, так что все персонажи его воспоминаний померли раньше публикации, а если кто-то уцелел? Как повернется рука судить стариков, писать о них то, что, ради сохранения мирных отношений, и говорить не решался, даже когда все были молоды и многое могли вынести и еще было время помириться потом... Не говорю уж о том, что быстро, от страницы к странице слабеющая память подводит, путаются последовательности, возникают из тумана никогда не произ-

носившиеся слова, старые анекдоты представляются былями — словом, мемуарист “врет, как очевидец” по французской, кажется, поговорке.

И я не хотел и не хочу писать воспоминания.

Но писать-то надо.

“Старик, тебе надо воспоминания писать, ты столько видел и столько знал...” А чего уж такого я видел? Не о чем мне писать. Ну, здоровался, целовался, как водилось тогда, при встречах... И что на этом основании я напишу?

Да и не хочется, как сказано, подводить черту, ну, не хочется пока, извините...

И вот я придумал! А если точнее, если не врать с первых строк, то не я придумал, а неизменный и незаменимый мой редактор — не скажешь же про нее “редакторша”, с ее шестым чувством, с никогда не подводящим ее чутьем книжной удачи. Напиши воспоминания о вещах, сказала она, кому ж, как не тебе, ты же каждую пуговицу из тысяч застегнутых и расстегнутых за всю твою жизнь помнишь, у тебя ж и репутация собирателя деталей, напиши мемуары о предметах, среди которых жил и живешь! И это не будут итоги, потому что вещи бесконечны. И это не будет обидно для описываемых, потому что вещи не обижаются. И ты ничего не соврешь, потому что вещи ты помнишь так, как никто их не помнит.

Вот я и пишу, Лена. Спасибо за идею.

“Старье берем!” — кричал человек с одноколесной тачкой, сколоченной из досок, в которой лежали мешки бурой дерюги: в один он складывал бумагу,

в другой — битый фаянс, в третий — сломанную бронзу... Считалось почему-то, что все старьевщики — татары и потому очень хитрые. Мы, ребята, таскали им все, что плохо лежало дома (смотри советскую литературную классику), а они расплачивались с нами картонными трубочками калейдоскопов, внутри которых переливался цветной узор, и мячиками, привязанными к тонкой резинке и прыгающими под ладонью.

Старье беру. Я попытался собрать в этой книге все, что плохо лежало во времени, что старьевщики давно увезли на свалку, одарив нас калейдоскопами и мячиками на резинках. Да и те понемногу пропали.

Старье беру — беру, иначе всё пропадет бесследно.

Это не мемуары — это просто опись того, что хранится на складах памяти.

И того, что хранилось, но пропало.

В этой описи будет много повторов.

В жизни тоже повторов не избежать.

Моя собственная камера хранения.

Заброшенная кладовая, полная бесполезных предметов.

Если же здесь когда-нибудь случайно появятся люди, каждому будет присвоена всего одна буква — даже не инициалы.

И никаких обид. Какие могут быть обиды на блошином рынке?

Это книга о мещанах и для мещан.

Слышали? О мещанах и для мещан.

Я настаиваю.

Необходимые пояснения

Добро пожаловать на мою персональную барачолку, снисходительный читатель.

Мой блошинный рынок,

marché aux puces,

flohmarkt,

flea market...

Возможно, вы найдете здесь нечто и вам интересное.

